

**ОБ УНИВЕРСАЛЬНОСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА
В ДОКТРИНЕ И ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА
(обзор конференции памяти профессора Г. В. Игнатенко)****Безбородов Юрий Сергеевич**

Доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доцент, ORCID: 0000-0002-5782-417X, e-mail: yury.bezborodov@gmail.com.

Лихачев Максим Александрович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), доцент, ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Халафян Рустам Мартикович

Кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права Уральского государственного юридического университета (Екатеринбург), ORCID: 0000-0001-7072-2234, e-mail: rustam_halafyan@mail.ru.

Для цитирования: Безбородов Ю. С., Лихачев М. А, Халафян Р. М. Об универсальности прав человека в доктрине и практике международного права (обзор конференции памяти профессора Г. В. Игнатенко) // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2021. № 5. С. 58–66. DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_5_58.

**ON THE UNIVERSALITY OF HUMAN RIGHTS
IN THE DOCTRINE AND PRACTICE OF INTERNATIONAL LAW
(a review of the conference in memory of professor G. V. Ignatenko)****Bezborodov Yury**

Professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), doctor of legal sciences, ORCID: 0000-0002-5782-417X, e-mail: yury.bezborodov@gmail.com.

Likhachev Maxim

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0002-7848-5007, e-mail: m.a.likhachev@gmail.com.

Khalafyan Rustam

Associate professor, Ural State Law University (Yekaterinburg), candidate of legal sciences, ORCID: 0000-0001-7072-2234, e-mail: rustam_halafyan@mail.ru.

For citation: Bezborodov Yu., Likhachev M., Khalafyan R. (2021) On the universality of human rights in the doctrine and practice of international law (a review of the conference in memory of professor G. V. Ignatenko). In *Elektronnoe prilozhenie k «Rossiiskomu yuridicheskomu zhurnalu»*, no. 5, pp. 58–66, DOI: https://doi.org/10.34076/22196838_2021_5_58.

9–10 декабря 2021 г. в Уральском государственном юридическом университете (УрГЮУ) состоялась VII Международная конференция памяти основателя уральской научной школы международного права профессора Г. В. Игнатенко «Соотношение международного и национального права: вопросы теории и практики», организованная кафедрой международного и европейского права.

Для конференции организаторы выбрали «подсмотренную» у европейских коллег схему выступлений и дискуссии. Были определены три тематических блока: в каж-

дом из них титульный докладчик и его оппонент при участии модератора представляли аудитории одну или несколько проблем международного права, после чего модератор привлекал слушателей к их обсуждению. Сквозная для всех блоков проблема – сосуществование человека и государства в международном праве. Начав с прикладных вопросов реализации права на уважение частной жизни и свободы выражения мнения в первом тематическом блоке, во втором блоке участники продолжили рассматривать и соотносить правозащитные механизмы на универсальном и региональном уровнях, а в третьем перешли к обсуждению вопросов развития международного права для человека – с государством и без него. Конференция проходила в Центре международного и европейского права в смешанном формате: в форме очных выступлений и презентаций в рамках видео-конференц-связи.

Открыл мероприятие доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права УрГЮУ *Лев Александрович Лазутин*. В приветственном слове он обратил внимание на вклад Г. В. Игнатенко в развитие отечественной международно-правовой доктрины, дал оценку подходов основателя научной школы к проблематике прав человека и иным международно-правовым вопросам в свете современной доктрины и практики.

В рамках первого тематического блока «Безопасность государства и право личности на частную жизнь и свободу информации: как достичь надлежащего баланса?» участники затронули вопросы обеспечения прав человека и их необоснованного ограничения. Одной из угроз реализации прав человека является усиление государственного вмешательства в личную жизнь индивида вследствие возрастающей практики сбора информации под предлогом обеспечения общественной безопасности и соблюдения интересов государства.

Титульным докладчиком первого блока стала доктор юридических наук, доцент, руководитель департамента международного права факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» *Вера Николаевна Русинова* (Москва), а ее оппонентом – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права Юридического института Сибирского федерального университета *Валентина Владимировна Терешкова* (Красноярск). Модератором секции был кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ *Рустам Мартикович Халафян*.

Выступление В. Н. Русиновой было посвящено паноптикумизации современного общества и праву на уважение частной жизни. Суть доклада отражает термин, вынесенный в его заглавие, – «паноптикум». Первоначально он использовался для описания проекта идеальной тюрьмы И. Бентама, а позднее – в политической философии М. Фуко для характеристики власти, позволяющей контролировать поведение значительного числа лиц без прямого физического вмешательства. Как следствие, возможность получения государством личной информации индивида фактически означает тотальный контроль, обосновываемый потребностями национальной безопасности.

По мнению В. Н. Русиновой, распространение Интернета привело к созданию многочисленных паноптикумов (правительство – гражданин, работодатель – работник и т. п.). Общий правовой подход к защите конфиденциальности в сети Интернет заключается в рассмотрении персональных данных в качестве товара и применении к ним принципа информированного согласия. Причем подобная тенденция характерна, в том числе, для государств с демократическим политическим режимом.

Негативные тенденции проявляются в работе органов международного правосудия: в Европейском Суде по правам человека (далее – ЕСПЧ) пересмотрены позиции о запрете ограничения частной жизни в случае проведения массовой слежки – допускается широкое усмотрение государства при принятии мер в области безопасности (постановления ЕСПЧ по делам *Big Brother Watch and others v. the UK* 2021 г., *Centrum för Rättvisa v. Sweden* 2021 г.)¹.

Наряду с проблемой паноптикумизации общества В. Н. Русинова обратила внимание на политизацию угрозы терроризма в форме секьюритизации, когда мотивы вы-

¹ Подробнее см.: *Русинова В.* Легализация «массовой слежки» Европейским Судом по правам человека: что стоит за постановлением по делу Биг Бразер Вотч и другие против Соединенного Королевства? // *Международное правосудие.* 2018. № 4. С. 3–20.

живания превращают чрезвычайную ситуацию в нечто обыденное. Наблюдение за индивидом воспринимается в качестве социальной нормы, и отдельные лица готовы отказаться от частной жизни ради комфорта и т. д. В результате можно поставить вопрос об основаниях защиты конфиденциальности, которые предполагают достижение компромисса между конфиденциальностью и безопасностью¹.

Указанные тенденции вынуждают не только искать приемлемые способы защиты интересов личности, но и определить возможность достижения баланса между частной жизнью и государственной безопасностью, учитывая потенциальные угрозы и факты передачи данных самими пользователями. Не вводит ли в заблуждение идея достижения баланса в рассматриваемой сфере? К тому же названные категории не так просты, как может показаться на первый взгляд: меры по защите конфиденциальности могут повысить безопасность, а меры, направленные на повышение безопасности, напротив, снизить ее².

Докладчиком был поставлен вопрос о мотивах, побудивших ЕСПЧ изменить подход к регулированию отношений, подпадающих под ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В. Н. Русинова полагает, что определенное влияние на позицию Суда могла оказать волна террористических актов в ряде европейских государств, которые произошли после 2015 г. В результате возник запрос населения этих стран на контроль за информационными сообщениями, а в национальное законодательство были внесены соответствующие изменения.

Подобная ситуация в очередной раз заставляет задуматься о значимости государственных институтов в общественной жизни. По сути, слежка влияет не только на личную жизнь, но и на более широкий спектр прав человека (свободу выражения мнения, недискриминацию и т. п.). С одной стороны, безусловно, подобная практика «развязывает руки» государству. Более того, правительства прибегают к услугам транснациональной сети разведывательных агентств, координируют наблюдение, чтобы обойти гарантии прав человека во внутреннем праве. Последнее порой проводит различие между собственными гражданами и иностранцами в части регулирования их доступа к средствам защиты конфиденциальной информации, что противоречит международным стандартам. С другой стороны, вряд ли допустимо давать оценку только государству без учета деятельности ряда коммерческих организаций (Google, Facebook, Apple и др.), осуществляющих сбор данных и извлекающих выгоду от такого сотрудничества.

Очевидно, что массовая слежка – «новая норма». Однако процедура ее осуществления, гарантии защиты прав личности должны быть определены в ближайшем будущем. Международные акты декларируют неприкосновенность прав человека: согласно резолюции Генеральной Ассамблеи ООН от 18 декабря 2013 г. № 68/167 «Право на неприкосновенность личной жизни в цифровой век» права, которые человек имеет в «офлайновой среде» (включая право на неприкосновенность личной жизни), должны защищаться и в «онлайновой среде».

Предметом последующего обсуждения стала неоднозначная российская практика ограничения права получать и распространять информацию вследствие блокировки органами власти сайтов в сети Интернет. В. В. Терешкова отметила отсутствие в национальном законодательстве гарантий от чрезмерных, произвольных блокировок, случаи нарушения принципов необходимости и пропорциональности, отсутствие процедуры обжалования судебных решений. Было охарактеризовано как весьма спорное определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1759-О по делу В. Харитонов, в котором Суд фактически переложил обязанность обеспечения права на доступ к информации с органов государственной власти на интернет-провайдеров.

В. В. Терешкова коснулась международных стандартов, действующих в области защиты информационных прав (постановление ЕСПЧ по делу *Ahmet Yildirim v. Turkey* 2012 г.). Она подробно проанализировала постановления ЕСПЧ, вынесенные про-

¹ *Rusinova V. Privacy and the legalisation of mass surveillance: in search of a second wind for international human rights law // The International Journal of Human Rights. 2021. Vol. 25. DOI: 10.1080/13642987.2021.1961754.*

² *Bernal P. Data gathering, surveillance and human rights: recasting the debate // Journal of Cyber Policy. 2016. Vol. 1. № 2. P. 244. DOI: 10.1080/23738871.2016.1228990.*

тив России в 2020 г. (по делам *Vladimir Kharitonov v. Russia, OOO Flavus and others v. Russia, Bulgakov v. Russia, Engels v. Russia*), в которых Суд признал факты нарушения российской стороной ст. 10 «Свобода выражения мнения» и ст. 13 «Право на эффективное средство правовой защиты» Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. В частности, ЕСПЧ выявил размытый характер оснований блокировки сайтов в российском праве, не удовлетворяющий требованию предсказуемости правового регулирования. Обзор прецедентной практики был завершён формулированием предложений по исправлению сложившейся ситуации.

Позиция ЕСПЧ по этому вопросу не расходится с идеями, воплощенными в специальных международных документах. В докладе Комиссара Совета Европы по правам человека «Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире» 2014 г. подчеркивается, что системы блокировок могут ложно блокировать сайт с незапрещенными материалами и наоборот, критерии блокировки и списки блокируемых сайтов непрозрачны, засекречены, а процедуры обжалования решений трудны, малоизвестны или отсутствуют, особенно если принятие решений о блокировке целенаправленно передано в ведение негосударственных структур¹. На блокировку сайтов в Интернете только при соблюдении ряда условий указывает Суд Европейского союза².

Согласно Совместной декларации о свободе выражения мнения, а также «фейковых» новостях, дезинформации и пропаганде 2017 г.³ «предписанное государством блокирование целых вебсайтов, IP-адресов, портов или сетевых протоколов является чрезвычайной мерой, которая может считаться оправданной лишь в тех случаях, когда она предусмотрена законом и необходима для защиты того или иного из прав человека или других законных общественных интересов, в том числе в зависимости от ее соразмерности, отсутствия менее ограничительных альтернативных мер, способных обеспечить защиту этих интересов, и соблюдения минимально необходимых процессуальных норм» (подп. «f» п. 1).

Решение проблемы спорной блокировки интернет-сайтов во многом зависит от качества национального законодательства. Поскольку указанный способ влияния на средства массовой информации позволяет не только ограничить распространение запрещенной информации, но и бороться с политическими оппонентами, участники конференции дали оценку эффективности интернет-цензуры и обменялись мнениями о способах защиты прав владельцев сайтов при их нарушении.

По итогам первого дня научного мероприятия участники сошлись во мнении, что достижению баланса между правом на частную жизнь, свободой информации и безопасностью государства могут препятствовать изменение представлений о самой безопасности, специфические условия существования в информационной среде, что, тем не менее, не должно исключать четких и эффективных гарантий прав человека.

Второй день конференции совпал с Международным днем защиты прав человека, учрежденным Организацией Объединенных Наций и связанным с принятием Международного билля о правах: Всеобщей декларации о правах человека 1948 г. и пактов 1966 г. Второй тематический блок конференции «Универсальное и региональное измерение прав человека в международном праве» был посвящен соотношению процессов универсализации и регионализации в международном праве в правозащитном аспекте. Модератором выступил доктор юридических наук, профессор кафедры международного и европейского права УрГЮУ Юрий Сергеевич Безбородов.

Особенностью международных отношений в последние несколько десятилетий является одновременное существование двух противоположных тенденций – универсализма и регионализма. Разная социальная сущность, разная скорость и степень интенсивности сотрудничества государств «подпитывают» регионализацию и «при-

¹ Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире: тематический доклад, опубликованный Комиссаром Совета Европы по правам человека. Основные положения доклада и рекомендации Комиссара. 2014. С. 12. URL: [https://rm.coe.int/ref/CommDH/IssuePaper\(2014\)1](https://rm.coe.int/ref/CommDH/IssuePaper(2014)1) (дата обращения: 30.12.2021).

² Nurullaev R. Website blocking in Russia: Recent trends // Computer Law & Security Review. 2017. Vol. 33. Iss. 2. P. 211–222.

³ URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/f/2/302806.pdf> (дата обращения: 30.12.2021).

тормаживают» общие процессы универсализации. Там, где универсальный подход оказывается неэффективным и дает явные сбои, там, где государствам сложно добиться согласия по глобальным проблемам, верх берет регионализм.

Небывалый импульс для своего развития сфера прав человека в международном праве получила после Второй мировой войны. После фиксации гомогенизированного и универсализированного опыта в международно-правовых нормах соответствующее регулирование перешло на региональный уровень, поскольку государствам всегда проще договориться о чем-то существенном в небольших группах – в рамках двусторонних и региональных соглашений. Так, вопрос эффективной ответственности государств перед индивидуумами за нарушение конвенционно закрепленных прав и свобод в международном праве впервые был решен именно на региональном европейском уровне – с принятием Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и созданием Европейского Суда по правам человека.

Обсуждение процессов универсализации и регионализации в правозащитной сфере началось с доклада доктора исторических наук, профессора кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, директора центра «Кафедра ЮНЕСКО прав человека, мира, демократии, толерантности и международного взаимопонимания» *Ольги Николаевны Богатыревой*.

Ольга Николаевна поставила вопрос: возможно ли существование универсализированных подходов ко всем сегментам международных отношений, в особенности к правам человека, или же есть европейское (читай: либеральное) понимание прав человека, а есть восточное, исламское, китайское их прочтение? Последнее, следует признать, очень удобно для недемократических режимов, которые могут заявлять о существовании собственного, особого пути разрешения этих вопросов. Как влияет на формулирование и реализацию основных гуманитарных стандартов наличие традиционалистских начал в большинстве социумов? С позиций историзма эти вопросы разрешены. Именно после Второй мировой войны мир продемонстрировал такое единство во взглядах, когда делегатами разных стран, разных правовых систем и приверженцами разных традиционных течений создавались и согласовывались тексты Всеобщей декларации о правах человека и международных пактов 1966 г. Универсализм имеет все шансы на существование, и единый подход к вопросам прав человека не только возможен, но и необходим.

Универсализация международно-правовой регламентации прав и свобод человека невозможна без регионализации. Регионализм – некий противовес всему тому, что в международном праве называется универсализмом. «Создание Лиги Наций дало новый толчок развитию идеи универсализма. Однако увеличение числа региональных режимов (американский, азиатский, советский, мусульманский...) вызвало серьезное беспокойство по поводу единства и потенциальной фрагментации международного права»¹. В последние годы наблюдается значительный рост числа региональных межгосударственных объединений, и сейчас фактически каждая страна входит хотя бы в одно крупное региональное объединение. Практически все государства мира объединяются для усиления своих позиций на международной арене.

В противовес презентации О. Н. Богатыревой регионализму был посвящен доклад доктора юридических наук, заведующего кафедрой теории и истории государства и права, профессора кафедры международного и европейского права, директора Научно-образовательного центра прав человека, международного права и проблем интеграции юридического факультета Казанского федерального университета *Рустема Шамильевича Давлетгильдеева*. Он определил регионализацию как динамический процесс «атомизации» международного права через выделение автономных и самодостаточных международно-правовых режимов, посредством распространения международного права на новые сферы отношений, а также при помощи создания большого числа институтов для управления и контроля. По результатам обсуждения этого доклада участники пришли к выводу, что универсализм возможен и имеет право на

¹ Давлетгильдеев Р. Ш. К вопросу о подходах к фрагментации международного права // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 24–25.

существование, но необходимо учитывать местные особенности, присущие каждой национальной правовой системе.

Неким итогом обсуждения процессов универсализации и регионализации в международном праве и международных отношениях стало понимание того, что эти процессы в социальном аспекте совершенно естественные и взаимодополняющие. Как неуместен и невозможен «оголтелый» универсализм без учета региональных особенностей – исторических, культурных, правовых, экономических, так и невозможен реакционный и ограниченный регионализм – в век глобализации и транспарентности любых социальных (в том числе межгосударственных) отношений, взаимосвязанности и взаимозависимости всех субъектов права.

В рамках третьего тематического блока конференции – «Международное право вне государства» – участники продолжили «восхождение» от частных проблем к общим. Основной докладчик – кандидат юридических наук, национальный администратор Конкурса им. Ф. Джессопа в России, основатель Р-Е-Н *Евгения Владимировна Неверова* – рассуждала о дилемме юриста, касающейся выбора между «своим» государством и «чужим» международным правом. Дискуссию продолжил модератор мероприятия – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и европейского права УрГЮУ *Максим Александрович Лихачев*. Докладчики разошлись в оценке названной дилеммы. Е. В. Неверова настаивала на необходимости выбора, М. А. Лихачев утверждал, что в указанной дилемме ложно практически все: иллюзорна сама необходимость выбора, противопоставляющего государство международному праву, превратно рассуждение о государстве как «своем, родном, важном и близком», неверно отторжение международного права как «чужого, внешнего, насаждаемого».

Участники дискуссии сошлись во мнении, что в конце концов выбор лежит в плоскости личных предпочтений агента, воспринимаемых и оцениваемых им через призму интересов «своего» национального государства или «чужого» международного сообщества. Исследования в области биологических теорий права подтверждают, что в основе наших представлений о нем лежит чувство лояльности к «своим» и «своему»: мы социальные существа, а потому физически, ментально, психологически и эмоционально тяготеем к разного рода группам. Причем «своя» группа понятнее, ближе и дороже (так называемый интрагрупповой фаворитизм). Отсюда и механизмы родовой селекции, взаимности, мутуализма, группового воспроизводства, объясняющие коммуитарную активность человека. Однако круг «своих» неустанно расширяется по мере эволюции *homo sapiens*. В какой-то момент «своим» станет каждый член человеческого рода. И хотя группа международного сообщества все еще непонятна по структуре, объему, своим неосязаемым интересам, она уже привлекательна как эволютивный шаг к прогрессу, расширению привычных рамок и выходу за них.

Со слов Е. В. Неверовой, Жорж Ссель в дилемме «свое – чужое» не видел ничего парадоксального: «...в межгосударственном порядке, где нет именно международных органов и действующих лиц, действующим лицам и органам государства, которые заменяют их, отведена двойная роль. Они есть внутренние лица и органы, когда действуют в правопорядке государства; они есть международные лица и органы, когда действуют в международном правопорядке. Вот что мы называем основополагающим законом *разделения ролей*»¹.

Однако, как отметил М. А. Лихачев, такой подход не получил безоговорочной поддержки в международно-правовой науке, хотя число его последователей значительно. Да и, похоже, сам автор не проявил ожидаемой твердости в отстаивании своей концепции. Зато, возразила Е. В. Неверова, проблема выбора трансформировалась в «дилемму Шокросса», названную так по имени агента Великобритании в деле пролива Корфу, рассмотренном в Международном Суде ООН. Х. Шокросс отстаивал интересы своего государства в Суде и не решился открыть ставшие ему внезапно известными прежде секретные материалы, изобличающие Соединенное Королевство. Алгоритм разрешения дилеммы так и не предложен. Тем не менее большинство ис-

¹ Scelle G. Règles générales du droit de la paix // Recueil des Cours de l'Académie de La Haye. 1993. Vol. 46. P. 358.

следователей согласились, что с этим не только нужно, но и можно жить (критическая теория М. Коскенниemi, оптимистический идеализм Ф. Аллота, концепция профессиональной ответственности У. М. Райзмана).

М. А. Лихачев обратил внимание, что сама дилемма презюмирует релевантность и даже важность «своего» государства в его противопоставлении «чужому» международному праву. Насколько сильна и генетически predetermined связь отдельного человека (будь то исследователь, практик, служащий или же обыватель) с его / ее государством? Сама постановка вопроса предполагает насущную ценность государства и его имманентно необходимое место в социуме. Однако ретроспективный анализ свидетельствует о «хронологической» скоротечности государства, несопоставимой с «социальной историей» человека. Как продукт общественного развития современное государство утвердилось не раньше XV–XVI вв. Зато сумело за столь короткий срок стать *sine qua non* политической организации человеческой общности. Тому благоприятствовали многие факторы: сменившийся феодализм и инспирировавший хозяйственные свободы капитализм, стремительно возникший, так же неминуемо угасший, но оставивший нестираемый след в настроениях политических элит абсолютизм, утвердившийся к XIX в. в своей живучести и агрессивной вездесущности правовой позитивизм. Государство успело продемонстрировать во весь рост риски институционализации управления страной и деперсонализации прежде личной власти руководства: тоталитаризм, политические репрессии, мировые войны, международные преступления. Однако важно здесь другое. В историческом срезе абстракция государства – сравнительно новое явление, успевшее пережить свои лучшие времена еще до середины XX в.

Еще более сомнительна историческая предначертанность и безальтернативность конструкта национального государства, утвердившегося в XIX в. Как пишут К. В. Арановский и С. Д. Князев, государство-нация стало удобным инструментом для утверждения правящих элит в своей легитимности и новоявленных наций-общностей¹. Первые получили эффективный инструмент оправдания любых политических (особенно во внешней среде) притязаний, выдавая себя за хранителей национальной идеи и ее аутентичных интерпретаторов. Вторым же удалось, ассоциировав себя с «рукотворной» нацией, нивелировать свои пороки и присвоить себе лучшие воображаемые качества. Один из теоретиков концепции Б. Андерсон определяет нацию как «иллюзорное политическое сообщество», которое «воображается как что-то неизбежно ограниченное, но в то же время суверенное»².

В ответ на аргумент Е. В. Неверовой о неопределенности и академичности конструктов «международное сообщество» и «международное право» М. А. Лихачев возразил, что они не менее абстрактны, чем «государство» и «национальное право», и уж точно не хуже. Несомненное преимущество международного права – в его коммунитарной природе: оно не формируется односторонне и по своей природе предполагает общность и консенсус. Оставляем за скобками способы их достижения. Однако при любом раскладе возможность волюнтаристских решений здесь существенно ниже, чем в государственно организованном обществе. Едва ли уместны доводы об аморфности и амбивалентности международного сообщества как такового или его институциональной несостоятельности: если это так, то все это в равной мере можно сказать о государстве. Корень проблемы – в политически и идеологически трактуемой правосубъектности, ставшей «пропуском» в международный мир государств для «своих» и удобным инструментом дискриминации «чужих». В свое время была немыслима правовая субъектная идентичность межправительственных организаций, несовместимая с суверенитетом государств и их субъектностью как главных, а то и единственных участников международных правоотношений. Сегодня к международно-правовому признанию «пробивают дорогу» животные и природные объекты, остающиеся в ранге вещей, подчиненных воле и интересам субъектов. Признавая субъектность недвижимого и бессознательного человеческого тела, искусственно

¹ Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2016. С. 81.

² Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. С. 30–32.

поддерживаемого в своем существовании, безапелляционно отстаивая юридизированное существование абстрактного государства, мы с легкой руки отказываем другим, кроме человека, живым существам в праве «быть для права».

Докладчики согласились, что упомянутая дилемма Шокросса есть в большей степени иллюстрация народных истин: кулик хвалит свое болото, своя рубашка ближе к телу. Вопрос в том, что субъект дилеммы сегодня считает таким болотом и какого покроя его рубашка, в конце концов, что выгодно (полезно) для его / ее самосохранения и саморазвития. В этом смысле привязанность к предметам и привычкам, любовь к ближнему, собственнические чувства и патриотизм – явления одного порядка. И. Гете метко объяснил сущность человеческих привязанностей: я не хочу отдать жизнь за Германию – пусть лучше Германия отдаст жизнь за меня. Сегодня все чаще взамен национал-государственным призывам отдать жизнь за родину звучат предложения сохранить собственную жизнь и обеспечить личное благополучие во имя отчизны. В этом же смысле любопытно смещение акцентов в понимании природы и ценности суверенитета от широкого усмотрения в решении судеб своих граждан к ответственности государства перед своим населением за его благополучие¹.

Дилемма Шокросса, скорее, о том, что выгодно здесь и сейчас тому, кто вынужден сделать непростой выбор. В этом контексте показательны метаморфозы позиции судьи от России в Европейском Суде по правам человека Д. И. Дедова. В начале своего срока он голосовал против нарушения Россией конвенционных обязательств принятием законодательства в области противодействия пропаганды «нетрадиционных сексуальных отношений» и даже выступил с широко раскритикованным особым мнением (постановление ЕСПЧ по делу *Bayev and others v. Russia* 2017 г.). Позже, вероятно, ощутив собственную сопричастность к правозащитной системе Совета Европы и ценностям Конвенции, российский судья последовательно голосовал за нарушение конвенционных прав Россией по политически деликатным делам А. Навального и делам о легализации однополых отношений (постановления ЕСПЧ по делам *Navalnyy and others v. Russia* 2018 г.; *Fedotova and others v. Russia* 2021 г.).

В заключение участники дискуссии отметили, что каждый, кто имеет дело с международным правом – будь то дипломат, судья, практик, исследователь, студент, не отделим от актуального для него / нее общественно-политического контекста. Теории Ф. де Витория, Ф. Суареца, Г. Гроция, Дж. Остина, Г. Еллинека и Г. Трипеля, Г. И. Тункина, Ж. Сселя, Г. Кельзена, М. Макдугала и Р. Хиггинс – очевидный ответ на вызовы своего времени. Так, понимание теории Ж. Сселя невозможно без обращения к истокам и последствиям дела Дрейфуса; немецкого позитивизма – без изучения истории конституционного строительства единой германской государственности; теории автолимитации Г. Еллинека – без исследования зарождающегося научного позитивизма и критики отрицателей международного права; американского реализма – без уяснения причин всеобщего разочарования в континентальном праве после мировых войн. Трактовка их теорий немислима без обозрения контекста, в котором они не просто развились, но который их породил.

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Г. Николаева. М.: Канон-Пресс-Ц : Кучково поле, 2001. 286 с.

Арановский К. В., Князев С. Д. Правление права и правовое государство в соотношении знаков и значений. М.: Проспект, 2016. 204 с.

Давлетгильдеев Р. Ш. К вопросу о подходах к фрагментации международного права // Российский юридический журнал. 2013. № 3. С. 20–25.

Русинова В. Легализация «массовой слежки» Европейским Судом по правам человека: что стоит за постановлением по делу Биг Бразер Вотч и другие против Соединенного Королевства? // Международное правосудие. 2018. № 4. С. 3–20.

Bernal P. Data gathering, surveillance and human rights: recasting the debate // Journal of Cyber Policy. 2016. Vol. 1. № 2. P. 243–264. DOI: 10.1080/23738871.2016.1228990.

Koskenniemi M. What Use for Sovereignty Today // Asian Journal of International Law. 2011. № 1. P. 67–70. DOI: 10.1017/S2044251310000044

¹ Koskenniemi M. What Use for Sovereignty Today // Asian Journal of International Law. 2011. № 1. P. 65. DOI: 10.1017/S2044251310000044.

Nurullaev R. Website blocking in Russia: Recent trends // *Computer Law & Security Review*. 2017. Vol. 33. Iss. 2. P. 211–222.

Rusinova V. Privacy and the legalisation of mass surveillance: in search of a second wind for international human rights law // *The International Journal of Human Rights*. 2021. Vol. 25. DOI: 10.1080/13642987.2021.1961754.

Scelle G. Règles générales du droit de la paix // *Recueil des Cours de l'Académie de La Haye*. 1933. Vol. 46. P. 327–704.

References

Anderson B. (2001) *Voobrazhaemye soobshchestva: Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imaginary communities: Reflections on the origins and spread of nationalism], transl. from the Eng. by V. G. Nikolaev. Moscow, Kanon-Press-Ts : Kuchkovo pole, 286 p.

Aranovskii K. V., Knyazev S. D. (2016) *Pravlenie prava i pravovoe gosudarstvo v sootnoshenii znakov i znachenii* [The rule of law and the rule of law state in the ratio of signs and meanings]. Moscow, Prospekt, 204 p.

Bernal P. (2016) Data gathering, surveillance and human rights: recasting the debate. In *Journal of Cyber Policy*, vol. 1, no. 2, pp. 243–264. DOI: 10.1080/23738871.2016.1228990.

Davletgil'deev R. Sh. (2013) K voprosu o podkhodakh k fragmentatsii mezhdunarodnogo prava [On approaches to the fragmentation of international law]. In *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, no. 3, pp. 20–25.

Koskenniemi M. (2011) What Use for Sovereignty Today. In *Asian Journal of International Law*, no. 1, pp. 67–70, DOI: 10.1017/S2044251310000044.

Nurullaev R. (2017) Website blocking in Russia: Recent trends. In *Computer Law & Security Review*, vol. 33, iss. 2, pp. 211–222.

Rusinova V. (2018) Legalizatsiya «massovoi slezhki» Evropeiskim Sudom po pravam cheloveka: chto stoit za postanovleniem po delu Big Brazer Votch i drugie protiv Soedinennogo Korolevstva [Legalization of «mass surveillance» by the European Court of Human Rights: what is behind the ruling in the case of Big Brother Watch and Others v. the United Kingdom]? In *Mezhdunarodnoe pravosudie*, no. 4, pp. 3–20.

Rusinova V. (2021) Privacy and the legalisation of mass surveillance: in search of a second wind for international human rights law. In *The International Journal of Human Rights*, vol. 25, DOI: 10.1080/13642987.2021.1961754.

Scelle G. (1933) Règles générales du droit de la paix. In *Recueil des Cours de l'Académie de La Haye*, vol. 46, pp. 327–704.